

Фомин Э. В.

ОБРАЗ МЕДВЕДЯ В ЧУВАШСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Аннотация: работа посвящена изучению образа медведя в чувашской лингвокультуре и ставит целью изучить его свойства в восприятии чувашского народа в широком этнографическом аспекте, включая лингвистический (этимологический, ономастический), а также фольклорный подходы. Материалом исследования послужили тексты устного народного творчества и этнографические разработки, содержащие сведения о медведях. Автор также обращается к тематическим разработкам в области финно-угроведения, так как финно-угорские народы являются представителями лесной культуры, неизменно предполагающей значительное участие в их судьбах медведей. Исследование базируется на традиционных методах: научном осмыслении произведений устного народного творчества и анализе этнографической литературы. Медведь является популярным персонажем чувашского фольклора. При этом он в чувашской культуре не имеет однозначной оценки: медведь – простодушное существо, вследствие чего проигрывающее хитрому человеку. В то же время медведь признается чувашами символом силы. Аналогии в восприятии медведя скорее прослеживаются в русской лингвокультуре, чем в культурах народов Волго-Камья, многие из которых, прежде всего финно-угры, признают медведя тотемным животным. Ряд чувашских текстов о медведях представляет собой кочующие сюжеты.

Ключевые слова: медведь, чувашский язык, фольклор, этнография.

THE IMAGE OF A BEAR IN THE CHUVASH CULTURE

Abstract: the work is devoted to the study of the image of the bear in the Chuvash linguistic culture and aims to study its properties in the perception of the Chuvash people in a broad ethnographic aspect, including linguistic (etymological, onomastic), as well as folklore approaches. The material of the study was the texts of oral folk art and ethnographic developments containing information about bears. The author also refers to thematic developments in the field of Finno-Ugric studies, since the Finno-

Ugric peoples are representatives of the forest culture, which invariably implies a significant participation of bears in their lives. The study is based on traditional methods: scientific understanding of oral folk art and analysis of ethnographic literature. The bear is a popular character in Chuvash folklore. At the same time, it does not have an unambiguous assessment in the Chuvash culture: the bear is an ingenuous creature, as a result of which it loses to a cunning person. At the same time, the Chuvash recognize the bear as a symbol of strength. Analogues in the perception of the bear are more likely to be traced in Russian linguistic culture than in the cultures of the Volga-Kama peoples, many of whom, primarily the Finno-Ugric peoples, recognize the bear as a totem animal. A number of Chuvash texts about bears are nomadic plots.

Keywords: bear, Chuvash language, folklore, ethnography.

Введение

Медведь является распространенным животным, в силу чего нарративы о медведях встречаются у многих народов мира. По сути это идеальный объект, позволяющий собрать в одном источнике разноязычный материал как единый феномен. Бесценная идея создать коллекцию национальных образцов рассказов о медведях с глоссированием материала принадлежит Т. Б. Агранат.

Данное сообщение подготовлено для участия в работе круглого стола «Медвежья рассказы на языках планеты людей», запланированной в рамках международной конференции «Лингвистический форум 2022: традиционные речевые формы и практики» Института языкознания Российской академии наук (17–19 ноября 2022 г.).

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужили чувашские фольклорные тексты и этнографические записи, повествующие о медведях. Автор также обращается к близким по тематике разработкам главным образом в области финно-угроведения. Ориентация на финно-угристику не случайна, поскольку финно-угорские народы являются представителями лесной культуры, неизменно предполагающей значительное участие в их судьбах медведей.

Исследование базируется на традиционных методах: научном осмыслении произведений устного народного творчества и анализе этнографической литературы.

Результаты исследования и их обсуждение

Чувашская Республика является ареалом обитания бурого медведя (*хӓмӓр уна* [хӓмӓр убӓ]). В результате нерегулируемой охоты они здесь полностью исчезли к 1960 гг. В настоящее время в республике зафиксировано около 20 особей в основном в Алатырском Присурье. (Согласно расчетам исследователей, «ресурсная емкость присурского лесного массива позволяет обитание медведей в 3–4 раза большей численности» [Глушенков, 2020, с. 58]) Чувашское Заволжье является территорией их кратковременного пребывания в летний период. В республике время от времени фиксируются незначительные конфликты с участием медведей.

Этимология слова уна ‘медведь’. Уна [убӓ], чувВ. она [обӓ] ‘медведь’ < тюрк. *аба* ‘отец (тел., шор., саг.); предок (тур., чаг.); дядя со стороны отца (чаг.); старший брат (кач.); медведь’ (саг., койб., кач.); *абаа* ‘старший брат’ (саг.); *абуу* (тел., чаг. = монг.) ‘батюшка’; др.-тюрк. *аба* ‘медведь’ [Федотов, 1996, т. 2, с. 282], см. также у В. Г. Егорова: чув. *уна* = хак. *оба* ‘медведь; отец’ [Егоров, 1964, с. 275].

У слова *уна* в чувашском языке нет значения родителя, для этого используется слово *атте* [ат’:э]. Безусловно, чувашское *уна* является результатом табуированного названия медведя, сложившегося еще во времена древнетюркской эпохи и выразившееся в семантическом переходе *отец* → *медведь*: «*Медведь* (*ауи*) у многих тюркских народностей считался предком людей, был почитаем, и даже после смерти его останки служили объектом поклонения» [Позднякова, Ёылдырым, Хамуркопаран, 2014, с. 126].

Подобный переход в разряд сакрального исходного слова *отец* наблюдается в современном чувашском языке: *аслати* ‘гром’ < *аслӓ атте* букв. великий отец.

Сближение чувашского *уна* с общетюркским исторически омонимичным *аба* ‘мать’ (ср. с чув. *анай* [абӓј], *ани* [аб’и]) и попытки на этой основе выстроить

концепцию тотемности медведя в чувашской среде ошибочно (см.: Севортьян 1974, с. 54–58).

Производные формы: *упален-* (< *упа* + *-лен*) ‘ползать на четвереньках подобно медведю’ (здесь загадочным выглядит нарушение закона сингармонизма, ожидаемое *упалан* (*упа* + *-лан*) – статья подобным медведю, ср. с *обалан* у Н. И. Золотницкого: ‘ползти на брюхе’ [Золотницкий, 1875, с. 18], данная форма в других лексикографических источниках не фиксируется); *упамас* [убамáс] ‘уваленъ, медведь; медлительный, неповоротливый’; *упаçă* (*упа* + *-çă*) [убáзъ] «зверолов-медвежатник’, откуда фамилия *Убасев*; *упа сарри* [убá сар’í] ‘папоротник’, букв. медвежья подстилка; *упа алли* [убá ал:í^{pl}] [прибор для натягивания обручей; заступ для вынимания земли при рытье ям для столбов’; *упа лĕпĕшĕ* [убá л’ĕб’ĕж’ĕ] ‘ночная бабочка’; *упа майри* [убá мĕјр’í] ‘грецкий орех’; *упа çамки* [убá çамг’í] ‘бляха на ремне’; *упа кăтки* [убá кĕтк’í] название вида крупных муравьев, *упа чĕрни* [убá чĕр’н’í] ‘лапка для рыхления грядок’ и др. Фразеологические единицы: *упана кашкăр нек* = рус. как кошка с собакой, букв. как медведь с волком; *упа ташиши ташла* ‘сильно шуметь’ букв. медвежий танец танцуй. В целом в чувашском языке наблюдается тенденция словом *упа* обозначать крупные объекты.

Медведь в чувашской ономастике. Благопожелательным именем *Упа* и его производными (*Упай* [убáј], *Упак* [убáк], *Упакка* [убак:á], *Упаккай* [убак:áj], *Упамсар* [убамзár], *Упанкка* [убанк:á], *Упаçка* [убаçká], *Опаç* [обáç], *Опашка* [обашká]) в чувашской культуре нарекались только мужчины: *Упа тесе ак мĕншĕн хураççĕ: упа нек сывлăхлă пултăр, чирĕ ан тивтĕр тесе хураççĕ* ‘Вот почему называют *Упа*: пусть будет здоровым, как медведь, пусть не болеет – вот почему’ (перевод наш. – Э. Ф.) [Ашмарин, 1928–1950, т. 3, с. 249]. Имя обусловлено традицией, согласно которой «в семьях, где часто умирали дети, новорожденным давали странные, «нечеловеческие» имена (*Çĕпни* «Сор», *Упа* «Медведь»)» [Салмин, 2004, с. 112]. Оно в тех же целях могло использоваться и в качестве второго имени взамен официального табуированного.

Настоящее имя в выделительной форме дало начало распространенному чувашскому ойкониму *Уни* [уб'и], как правило, сопровождающего названия дочерних селений: *Уни* (*Пасарлă Уни* букв. Базарное Убеево, *Чиркӳллӗ Уни* букв. Церковное Убеево) – с. Убеево в Красноармейском районе Чувашской Республики → *Кӑрекас Уни* – Кирегасы, *Сӗньял Уни* – Синьял Убеево, *Тусай Уни* – Досаево, *Турхан Уни* – Торханы, *Хӗлес Уни* – Хлеси, *Чаканар Уни* – Чаганары, *Четверти Уни* / *Синче Кӑпер Уни* – Янмурзино, *Янкас Уни* – Янгасы, а также *Кивӗ Уни* – Старые Убеи и *Сӗнӗ Уни* – Новый Убей в Дрожжановском районе Республики Татарстан, *Униел* – Убейкино в Исаклинском районе Самарской области. Кроме того, названный антропоним встречается в составе производных названий сел: *Упамса* – Абамза в Батыревском районе; *Унасырми* – Оба-Сирма в Красноармейском районе, букв. медвежий овраг; *Унакасси* – Алмандаево в Мариинско-Посадском районе, букв. медвежье селение; *Унакасси* / *Упукушкӑнь* – Обыково в Красночетайском районе; *Оникасси* – Обиково (ныне в составе Чебоксар); *Пысӑк Унакасси* – Большие Абакасы / Большие Убакасы в Ибресинском районе. (Интересным представляется колебание инициальных *у / о ~ а* в чувашских и русских названиях ойконимов. Надо полагать, это связано с тем, что ко времени фиксации чувашских названий в русских документах в XVII-XVIII вв. переход *у / о* в *а* еще не был завершен.)

Медведь в чувашском фольклоре. Медведь – популярный персонаж чувашского фольклора. Частота его упоминания сравнима с упоминанием популярных персонажей – волка, зайца и лисы.

В детском фольклоре устойчивое название медведя – *упа-уатаман* [уба_удаман] ‘медведь-атаман’: *Эпӗ упа-уатаман, ик урапа уатан* ‘Я медведь-атаман, на двух ногах ходящий’; *Урлӑ ура – уатаман* ‘Косолапая нога – атаман’ (медведь).

Медведь в фольклорных текстах бесхитростное существо, малопонимающее сложные социально-коммуникативные отношения людей, из-за чего может пострадать серьезно вплоть до смерти (см.: *Упа ури // Чӑваш халӑх сӑмахлӑхӗ. Шупашкар, 1985. С. 248; Упапа хӗр ача. Там же. С. 249–250;*).

Как правило, медведь в народной прозе является самцом, вступающим в брачные отношения с украденной девушкой. У него рождаются дети: либо в человеческом облике, либо наполовину люди, наполовину медведи. Дети, рожденные от медведей, бывают наделены недюжинной силой, прямоотой и решительностью (см.: *Ѕурри упа,  урри этем  ын // Нараста юмах сем. Шупашкар, 2012. С. 280–282; Пуппа майри. Там же. С. 283–284).*

В редких случаях медведь может быть осознан в качестве самки: *упа килеми* [уб а к’ил’эм’й] ‘бабушка медведица’, почтительное обращение к медведице [Ашмарин, 1928–1950, т. 3, с. 248]. В этой связи интересной представляется легенда о превращении в медведей двух женщин – невестки и свекрови – без возможности обернуться людьми, поскольку ими были нарушены правила (см. легенду «Упа» в: *Ч ваш хал х с махл х : мифсемпе халапсем. Шупашкар, 1987. С. 61).*

Чувашиские сказки про медведей перекликаются с текстами других народов. Например сказка «Упапа х р ача» (Медведь и девочка) обнаруживает сюжетное сходство с однотемной мордовской сказкой, ср.: *Упапа х р ача // Ч ваш хал х с махл х  : ача-п ча с махл х . Шупашкар, 1985. С. 249–250; Мокшин 2012, с. 320).*

При всем этом чувашам присуще упрощенное восприятие медведей, чем финно-угорскими народами. Находящиеся в тесных контактах с чувашами «марийцы почитали медведя, считая его «человеком в шкуре» [Марийцы, 2013, с. 289], хозяином леса. «В произведениях марийского фольклора много сюжетов, рассказывающих о сожительстве марийских женщин с медведями. В этих легендах отражается архаическая идея магического содействия зверя плодородию, позже превратившая медведя в покровителя семейно-брачных отношений» [Мокшина, 2012, с. 100]. В чувашской среде не имело развития осознание медведя как абстрактного символа, удаленного от наблюдаемой физической подосновы.

Медведь в аспекте чувашской этнографии. Медведь не является тотемным животным чувашей, им признается волк.

В речевой практике медведь имеет отрицательную коннотацию, ср.: *уна пек утатъ* ‘как медведь ходит’ – о неуклюжей походке; *уна пек уласа лар* ‘реветь, как медведь’, *уна пек пёччен* ‘как медведь одинок’. Негативная характеристика отразилась также в фольклорных текстах малого жанра: *Кăмакара лăпсăр-лапсăр уна ташлатъ* ‘В печи косматый медведь танцует’ (тень). Медведь является существом, которым пугают ребенка: *уна килет* ‘медведь идет’.

В системе дохристианских чувашских верований покровителем медведей являлся *Пихампар* [п’иуамбáр], бог домашних животных и зверей. Злой дух *вуня́р* [вúбър] мог обернуться медведем, а при болезни, насылаемой *хаяр* [хájар], больные рыдали медвежьим голосом [Салмин 2004, с. 83, 100–102]. На святках молодые люди переодевались в медведей: *Пёри уна пулатъ, тепри хуци пулатъ. Хуци упана ташлаттарса сўрет* ‘Один медведем становится, другой хозяином. Хозяин ходит и заставляет танцевать медведя’ (перевод наш. – Э. Ф.) [Ашмарин, 1928–1950, т. 3, с. 248].

Охота на медведя среди чувашей производилась следующим образом: «В прежнее время, когда ружей у чуваш было немного, охотились за зверями, особенно за медведями, с рогатинами, топорами и дубинками. Человек 40–50 отправлялось в присурский лес и начинали отыскивать медведя. Нацелившись на его берлогу, они старались выманить его на драку. Выставляли против него рогатину за рогатиной, направляя их в грудь и брюхо медведя. Тот бил лапой по дротику. Ставили ему против груди рогатину, две, три. Наконец, уставляли против брюха его рогатину, с железом шириною в четверть аршина, на длинном древке из молодого, завяленного и окостеневшего дуба. Наступление медведя замедлялось: лапа его не могла переломить дротика и чем больше бил он по древку, тем глубже входило в него железо, расширяя рану. Доканчивали медведя ударами дубин» [Никольский, 1929, с. 55].

Чувашская кулинария допускает употребление медвежатины.

Медведь в народном художественном творчестве. Образ медведя в традиционном художественном творчестве, нередко ориентированном на отображе-

ние флоры и фауны, и материальной культуре чувашского народа имеет едва заметное выражение. В научной литературе зафиксированы сведения об особом способе крыть крышу, называемом *уна кутле* [убá кутл'э] 'sicut asinus ursi' [Ашмарин, 1928–1950, т. 3, с. 249], производстве длинной шубы *тохха* [тох:á] из медвежьей шкуры [Захарова-Кульева, 2017, с. 74], узоре *она çопкăмĕ* [обá çóпкъм'ь] букв. охапка медведя, танце *уна ташиши* [убá таш:í] букв. медвежий танец [Ашмарин, 1928–1950, т. 3, с. 251] без описания технологий и правил.

Заключение

В чувашской культуре медведь не имеет однозначной оценки. Он простодушное существо, вследствие чего проигрывающее хитрому человеку. В то же время медведь, как и улып-великан, признается чувашами символом силы. Аналогии в восприятии медведя скорее прослеживаются в русской лингвокультуре, чем в культурах народов Волго-Камья, многие из которых, прежде всего финноугры, признают медведя тотемным животным.

Сокращения

Др.-тюрк. – древнетюркский язык, кач. – качинский диалект хакасского языка, койб. – койбальский диалект хакасского языка, монг. – монгольский язык, саг. – сагайский диалект хакасского языка, тел. – телеутский диалект алтайского языка, тур. – турецкий язык, тюрк. – тюркские языки, хак. – хакасский язык, чаг. – чагатайский (староузбекский) язык, чувВ. – верховой диалект чувашского языка, шор. – шорский язык.

Список литературы

1. Ашмарин Н. И. Чăваш сăмахĕсен кĕнеки = Словарь чувашского языка. – Казань – Чебоксары, 1928–1950.
2. Глушенков О. В. Бурый медведь в Чувашской Республике // Труды Мордовского государственного природного заповедника имени П. Г. Смидовича. – 2020. – Выпуск 24. – С. 51–60.
3. Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. – Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 1964. – 357 с.

4. Захарова-Кульева Н. И. Чăваш халăх тумĕ : этнографи словарĕ. – Шупашкар : Чăваш кĕнеке издательстви, 2017. – 251 с.
5. Золотницкий Н. И. Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и речениями разных народов тюркского, финского и других племен. – Казань : Типография Императорского университета, 1875. – VIII, 279 с.
6. Салмин А. К. Система верований чувашей. – Чебоксары : Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2004. – 208 с.
7. Марийцы: историко-этнографические очерки. – 2-е издание, дополненное. – Йошкар-Ола : Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева при Правительстве Республики Марий Эл, 2013. – 480 с.
8. Мокшин Н. Ф. Мордовская мифология как система // Мордва: очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа. – 2-е издание, дополненное и переработанное. – Саранск : Мордовское книжное издательство, 2012. – С. 319–331.
9. Мокшина Е. Н. Образ медведя в религиозных и мифологических представлениях финно-угорских народов (мордвы, марийцев, удмуртов, коми и др.) // Финно-угорский мир. – 2012. – №3–4. – С. 97–101.
10. Никольский Н. В. Краткий курс этнографии чуваш. – Чебоксары : Чувашское государственное издательство, 1929. – 221 с.
11. Позднякова А. А., Ыылдырым А., Хамуркопаран Д. Зоонимный компонент в тюркской топонимии // Наука и школа. – 2014. – №2. – С. 125–129.
12. Севортян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и общетюркские основы на гласные) / Э. В. Севортян ; Институт языкознания ; Академия наук СССР. – Москва : Наука, 1974. – 766 с.
13. Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка : в 2-х томах. – Чебоксары : Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996.

References

1. Ashmarin, N. I. (1928). Chavash samakhesen keneki = Slovar' chuvashskogo iazyka. Cheboksary-.
2. Glushenkov, O. V. (2020). The brown bear in Chuvashia. Trudy Mordovskogo gosudarstvennogo prirodno zapovednika imeni P. G. Smidovicha, Vypusk 24, 51-60.
3. Egorov, V. G. (1964). Etimologicheskii slovar' chuvashskogo iazyka., 357. Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo.
4. Zakharova-Kul'eva, N. I. (2017). Chavash khalakh tume., 251. Shupashkar: Chavash keneke izdatel'stvi.
5. Zolotnitskii, N. I. (1875). Kornevoi chuvashsko-russkii slovar', sravnennyi s iazykami i racheniiami raznykh narodov tiurkskogo, finskogo i drugikh plemen. Kazan': Tipografiia Imperatorskogo universiteta; VIII, 279.
6. Salmin, A. K. Sistema verovaniy chuvashei., 208.
7. (2013). Mariitsy., 480. Marii El.
8. Mokshin, N. (2012). F Mordovskaia mifologiya kak sistema. Mordva, 2, , 319-331. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo.
9. Mokshina, E. N. (2012). Image of a bear in religious and mythological beliefs of Finno-Ugric peoples (Mordvinians, Mari, Udmurt, Komi, etc.). Finno-ugorskii mir, 3, 97-101.
10. Nikol'skii, N. V. (1929). Kratkii kurs etnografii chuvash., 221. Cheboksary: Chuvashskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo.
11. Pozdniakova, A. A., Iyldyrym, A., & Khamurkoparan, D. (2014). Animals names in the Turkic toponymy. Nauka i shkola, 2, 125-129.
12. Sevortian, E. V. (1974). Etimologicheskii slovar' tiurkskikh iazykov (Obshchetiurkskie i obshchetiurkskie osnovy na glasnye), 766. Sevortian; Moskva: Nauka.
13. Fedotov, M. R. Etimologicheskii slovar' chuvashskogo iazyka.